РОБЕРТ ШЕКЛИ

КООРДИНАТЫ
ЧУДЕС

Координаты чудес

Роберт Шекли

Координаты чудес

«Азбука-Аттикус»

1968

Шекли Р.

Координаты чудес / Р. Шекли — «Азбука-Аттикус»,
1968 — (Координаты чудес)

ISBN 978-5-389-15123-9

Тому Кармоди достается первый приз в межгалактической лотерее. Наивный Том отправляется получить законный выигрыш, и с этого момента начинается его путешествие сквозь время и пространство, наполненное глубокими размышлениями о религии, эвтаназии, снобизме, тайнах мироздания и вообще о смысле жизни. И всё это в невероятно изящной, остроумной форме, составляющей фирменный стиль Роберта Шекли.

ISBN 978-5-389-15123-9

© Шекли Р., 1968
© Азбука-Аттикус, 1968

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Часть II	17
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Роберт Шекли

Координаты чудес

Ах, я закидывал свою сеть в их моря, желая наловить хороших рыб, но постоянно вытаскивал я голову какого-нибудь старого бога¹.
Ф. Ницше. «Так говорил Заратустра»

Часть I

Отбытие

Глава 1

День был на редкость бесплодный. Придя в контору, Том Кармоди чуточку пофлиртовал с мисс Гиббон, позволил себе возразить самому мистеру Уэйнбоку и добрых пятнадцать минут обсуждал с Блэкуэллом шансы футбольной команды «Гиганты». В конце же дня он яростно заспорил с мистером Зейдлитцем – яростно, но совершенно не разбираясь в сути дела – об истощении природных ресурсов страны и беспощадном натиске разрушительных факторов, таких, как совместное обучение, армейская инженерная служба, туристы, огненные муравьи, а также издатели дешевого чтива. Все они (так он утверждал) в той или иной степени ответственны за порчу ландшафта и за уничтожение последних милых уголков нетронутой природы.

– Ну-ну, Том, – сказал язвительный Зейдлитц. – Неужели это и в самом деле вас беспокоит?

И впрямь...

А мисс Гиббон, привлекательная, с аккуратеньким подбородочком, вдруг заметила:

– О, мистер Кармоди, я считаю, что вы не должны говорить такое.

Что он говорил *такого* и почему не должен был говорить – Кармоди так и не мог припомнить. И грех остался на его совести, неосознанный и неотпущенный.

А его начальник, пухленький и мягкий мистер Уэйнбок, неожиданно проговорил:

– Послушайте, Том, а ведь в ваших словах, кажется, что-то есть. Я об этом подумую.

Кармоди, однако, уже сам понял, что ничего особенного в его словах не было и думать об этом не стоило.

Высокий насмешливый Джордж Блэкуэлл, который умел говорить, не двигая верхней губой, и тот сказал:

– Думаю, вы правы, Кармоди, честное слово! Если они переведут Восса со свободной защиты на край, мы увидим настоящий пас.

А Кармоди, после дальнейших размышлений, пришел к выводу, что это ничего не изменит.

Кармоди был спокойным человеком, с юмором преимущественно меланхолическим. Его лицо как нельзя лучше соответствовало характеру. Рост и мнение о себе – чуть выше среднего. Убеждения его были шатки, зато намерения – всегда самые лучшие. Пожалуй, у него была склонность к унынию. Впрочем, оно легко сменялось вспышками возбуждения, то есть он был циклотимиком. Рослые остроглазые мужчины с предками-ирландцами, как правило, циклотимики, особенно после тридцати.

Он прилично играл в бридж, хотя и недооценивал свое мастерство. Считал себя атеистом, но больше по инерции, чем по убеждению.

Его воплощения, с которыми он ознакомился в Зале Кармы, были сплошь героическими. Родился он под знаком Девы при управлении Сатурна, находившегося в Доме Солнца. Уже одно это говорило о его незаурядности. Но человек остается человеком: предсказуем и непостижим одновременно. Шаблонное чудо!

Кармоди покинул контору в 5.45 и сел в метро. Там его толкали и мяли другие страдалцы. Умом он сочувствовал им, но боками остро ненавидел.

Он вышел на 96-й улице и прошел несколько кварталов пешком до своей квартиры на Вест-Энд-авеню. Швейцар весело приветствовал его, лифтер одарил дружеским кивком. Кармоди отпер дверь, вошел внутрь и лег на кушетку. Жена его проводила отпуск в Майами, поэтому он мог безнаказанно возложить ноги на мраморный столик.

Мгновение спустя раздался удар грома, и в комнате полыхнула молния. Непонятно зачем схватившись за горло, Кармоди приподнялся. Гром громыхал несколько секунд, затем вострубили трубы. Кармоди поспешно убрал ноги с мраморного столика. Трубы смолкли, их сменили бравурные звуки волынки. Снова вспыхнула молния, и в ее сиянии возник человек.

Человек, одетый в золотистый плащ и оранжевые брюки в обтяжку, был среднего роста, коренаст и светловолос. Лицо как лицо, но без ушей. Он сделал два шага вперед, остановился, сунул руку в пустоту и выдернул оттуда свиток, изрядно порвав его при этом. Откашлявшись (звук напоминал брэнчание испорченного шарикоподшипника), он сказал:

– Приветствия!

Кармоди не ответил: от неожиданности он онемел.

– Мы приходить, – сказал пришелец, – как неожиданный ответчик невыразимой жажды. Ваших. Другие люди? Нет, не так! Буду это?

Пришелец ждал ответа. Кармоди доказал себе только ему одному известными способами, что все это происходит именно с ним и на самом деле. И спросил, как и полагается, когда все происходит на самом деле:

– Бога ради, что это значит?

Улыбаясь, пришелец сказал:

– Это для вас. Кар-Мо-Ди. Из сточной канавы «того, что есть» вам досталась малая, но замечательная порция «того, что может быть». Веселье, нет? Уточняю: ваше имя ведет к остальному. Случайность реабилитирована снова. Розоворукая Неопределенность хохочет во весь рот, а дряхлое Постоянство снова заперто в Пещере Неизбежности. Разве это не причина для? А почему вы не?

Кармоди встал, совершенно успокоившись. Неведомое перестанет быть страшным, когда оно становится назойливым. (Посланец, разумеется, это знал.)

– Кто вы? – спросил Кармоди.

Пришелец понял вопрос, и его улыбка погасла. Он пробормотал себе под нос: «Туманно мыслящие извилины! Опять неверно обработали меня! Я мог уклониться, вплоть до смертельного исхода даже! Неужели они не могут прицелиться без ошибки? Ничего, я переработаюсь, переделаюсь, приспособлюсь...»

Он прижал пальцы к голове и погрузил их вглубь сантиметров на пять. Пальцы затрепетали, будто он играл на крошечном пианино. И тотчас пришелец превратился в коротышку, лысого, в измятом костюме, с набитым портфелем, зонтиком, тростью, журналом и газетой.

– Так правильно? – спросил он. И сам себе ответил: – Да, вижу. В самом деле, я должен извиниться за неряшливую работу нашего Центра Уподобления. Только на прошлой неделе я появился на Сигме-4 в виде гигантской летучей мыши с Уведомлением в пасти. И тут же увидел, что мой адресат из породы водяных лилий. А двумя месяцами раньше (я употребляю местные эквиваленты времени) при миссии на Фагму Старого Мира эти дураки из Уподобления оформили меня в виде четырех дев, тогда как правильная форма, очевидно...

– Я не понимаю ни единого слова, – прервал его Кармоди. – Будьте добры, объясните, что это все значит.

– Конечно, конечно, – сказал пришелец. – Но позвольте мне проверить местные термины. – Он закрыл глаза, потом открыл снова. – Странно, очень странно, – пробормотал он. – Из ваших слов, фигурально говоря, не складывается склад для моей продукции. Но кто я, чтобы осуждать? Неточности могут быть эстетически приняты. Все это дело вкуса.

– Что это значит? – переспросил Кармоди грозным басом.

– Это Интергалактическая Лотерея, конечно. И вы, сэр, выиграли главный приз, конечно. Изложенное соответствует моей внешности, разве нет?

– Нет, не соответствует, – сказал Кармоди. – И я не знаю, о чем вы толкуете.

Сомнение скользнуло по лицу чужестранца и тут же исчезло, словно его резинкой стерли.

– Вы не знаете? Ну конечно! Вы, полагаю, потеряли надежду на выигрыш. И постарались забыть, чтобы избежать волнений. Какое несчастье, что я пришел во время вашей умственной спячки! Но никакого вреда вам не причинят, уверяю вас. Документы у вас под рукой? Боюсь, что нет. Тогда я объясню. Вы, мистер Кармоди, выиграли приз в Интергалактической Лотерее. Селектор Случайностей для Части IV, Класса 32 Жизненных Форм вытянул ваш номер. Приз (очень красивый приз, уверяю вас) ожидает вас в Галактическом Центре.

Тут Кармоди обнаружил, что рассуждает примерно так:

«Либо я спятил, либо не спятил. Если спятил, значит, это бред, и тогда я должен обратиться к психиатру. Но в этом случае я оказываюсь в идиотском положении, ибо во имя смутных доводов рассудка пытаюсь отрицать то, что вижу и слышу. При этом в голове получается такая каша, которая только усугубляет помешательство; в конце концов моей несчастной жене придется положить меня в больницу.

С другой стороны, если я сочту этот бред реальностью, я тоже окажусь в больнице.

Если же я не сошел с ума и все происходит на самом деле, то это удивительная, единственная в своем роде случайность, приключение высшей марки. Очевидно (если это происходит на самом деле), во Вселенной есть существа, превосходящие людей по разуму. И эти существа устраивают лотереи, где имена выбираются по жребию. (Они имеют на это полное право. Не понимаю, почему лотерея не совместима с высшим разумом.) И, наконец, в этой предполагаемой лотерее выпало мое имя. Это большая честь: возможно, и Землю включили в лотерею впервые. В этой игре приз выиграл я. Такой приз может принести мне богатство, или почет, или женщин, или знания – словом, что-нибудь стоящее.

Учитывая все это, мне выгоднее поверить, что я не сошел с ума, пойти с этим джентльменом и получить приз. Если я ошибаюсь, я очнусь в больнице. Тогда я извинюсь перед врачами, признаю свои заблуждения и, возможно, выйду на свободу».

Вот так Кармоди рассуждал и к такому заключению пришел. Вывод не удивительный. Очень мало людей (за исключением безумных) предпочтут гипотезу безумия гипотезе сенсационной новинки.

Конечно, в рассуждениях Кармоди были некоторые погрешности. В дальнейшем они должны были довести его до беды. Но здесь можно сказать одно: хорошо еще, что Кармоди вообще рассуждал в таких обстоятельствах.

– Я плохо понимаю, что тут к чему, – сказал он Посланцу. – Есть какие-нибудь условия у моего Приза? Надо сделать что-нибудь или оплатить?

– Никаких условий, – сказал Посланец. – По крайней мере, ничего достойного упоминания. Чистый Приз. Какой же Приз, если с условиями? Если вы принимаете его, вы должны отправиться со мной в Галактический Центр (а это путешествие само по себе стоит того, чтобы его совершить). Там вам вручат Приз. Затем, если захотите, вы сможете взять его с собой. Если вам понадобится помощь, чтобы вернуться, мы окажем вам всяческое содействие. Вот и все об этом.

– Меня это устраивает, – произнес Кармоди тоном Наполеона, одобрявшего диспозицию маршала Нея под Ватерлоо. – Как мы попадем туда?

– Вот так, – сказал Посланец. И потащил Кармоди в уборную, а оттуда – через трещину – в пространственно-временной континуум.

Все остальное было не труднее. За несколько секунд субъективного времени Кармоди и Посланец преодолели изрядное расстояние и оказались в Галактическом Центре.

Глава 2

Путешествие было кратким, заняв не более одного мгновения плюс микросекунду в квадрате, и бессобытийным, поскольку никаких фактов нельзя вместить в такой тонюсенький ломтик длительности. Поэтому после перехода, о котором нечего было сказать, Кармоди увидел вокруг себя широкие площади и диковинные строения Галактического Центра.

Он просто стоял спокойно и смотрел. Принял к сведению, между прочим, что над головой у него три тусклых карликовых солнца. Заметил деревья, которые бормотали невнятные угрозы зеленоперым птицам. Заметил и другие вещи, которые не сумел запомнить из-за недостатка земных аналогий.

– Ой-ой! – вымолвил он наконец.

– Простите, не понял, – переспросил Посланец.

– Я сказал «ой-ой».

– О! А мне послышалось «ой».

– Нет, я сказал «ой-ой».

– Теперь понятно, – сказал Посланец слегка раздраженно. – Ну и как вам наш Галактический Центр?

– Впечатляет, – признал Кармоди.

– И я так считаю, – небрежно заметил Посланец. – С таким расчетом его и строили. Правда, на мой взгляд, он почти ничем не отличается от любого другого Галактического Центра. Архитектура, как видите (вы, наверное, примерно этого и ожидали), нециклопическая, типичный административный стиль, лишенный каких-либо эстетических принципов. Внешний вид должен производить впечатление на избирателей.

– Что-то есть в этих плавающих в небе лестницах, – заметил Кармоди.

– Сценично, – согласился Посланец.

– И эти громадные здания...

– Да, конструктор удачно применил сочетание вывертывающихся кривых с исчезающими точками, – сказал Посланец тоном знатока. – А также использовал искривление времени, чтобы внушить благоговение. Довольно мило, по-моему. Кстати, вам, наверное, будет интересно узнать, что оформление вон той группы зданий целиком содрано на вашей планете – с выставки «Дженерал Моторс». Оно было признано выдающимся образчиком примитивного квазимодернизма: причудливость и изнеженность – его основные черты. А эти вспыхивающие огни перед Плавающим Мультинебоскребом – чистейшее галактическое барокко. Функциональности в них никакой.

Кармоди никак не удавалось охватить все эти сооружения одним взглядом. Ему казалось, что, пока он смотрит на одно, другие меняют форму. Он щурился и напрягал зрение, но здания продолжали таять и меняться. («Периферическая трансмутация, – пояснил Посланец. – Здешние обитатели прямо-таки ни перед чем не останавливаются».)

– Ну а где же я получу мой Приз? – спросил Кармоди.

– Сюда, направо, – сказал Посланец и повел его между двумя башенными фантазиями к маленькому прямоугольному домику, спрятавшемуся за перевернутым фонтаном.

– Делом мы занимаемся здесь, – продолжал Посланец. – Последние исследования показали, что прямолинейная форма действует успокаивающе на синапсы многих организмов. И я горжусь этим зданием. Дело в том, что прямоугольник изобрел я.

– Черта с два, – сказал Кармоди. – Мы знаем прямоугольники испокон веков.

– И кто же, по вашему мнению, принес вам самый первый? – язвительно спросил Посланец.

– Мне кажется, что тут нечего изобретать.

– Как это нечего? – переспросил Посланец. – Это показывает, как мало вы знаете. Вы принимаете сложность за творческое самовыражение. Знаете ли вы, что природа никогда не создавала правильный прямоугольник? Квадрат – очевидная вещь, это ясно. И тому, кто не вникал в суть проблемы, может показаться, что прямоугольник вырастает из квадрата естественно. Нет и нет! На самом деле эволюционное развитие квадрата приводит к кругу.

Глаза Посланца затуманились. Спокойным и отрешенным голосом он сказал:

– Я всегда чувствовал, что возможно иное развитие идеи квадрата. Я рассматривал его так и сяк. Эта сводящая с ума тождественность ставила меня в тупик. Равные стороны, равные углы. Некоторое время я экспериментировал с углами. Так появился первый параллелограмм, но я не считаю его большим достижением. Я изучал квадрат. Правильность приятна, но не сверх меры. Как же изменить это изнуряющее мозг однообразие, сохранив все же явственную периодичность? И однажды решение пришло ко мне! В какой-то внезапной вспышке озарения я понял, что нужно сделать. Менять длину параллельных сторон – вот и все, что требовалось. Так просто и так трудно! Дрожа, я попробовал. И когда это получилось, признаюсь, я сделался просто одержимым. Целыми днями и неделями я конструировал прямоугольники разного размера, разного вида, все правильные и все различные. Поистине я был рогом изобилия прямоугольников. То были потрясающие дни.

– Представляю себе, – сказал Кармоди. – Ну а позже, когда ваша работа была признана?

– Это тоже было потрясающе. Но прошли столетия, прежде чем мои прямоугольники начали принимать всерьез. «Это забавно, – говорили мне, – но когда новизна отойдет, что у вас останется? Останется несовершенный квадрат, больше ничего». Я страдал от непонимания. Но в конце концов мои взгляды победили. На сегодняшний день в Галактике имеется более 70 миллиардов прямоугольных структур. И каждая из них ведет происхождение от моего первоначального прямоугольника.

– Ну и ну! – вздохнул Кармоди.

– Так или иначе, но мы на месте, – сказал Посланец. – Идите туда, направо. Сообщите требуемые данные и получите Приз.

– Спасибо, – поблагодарил Кармоди.

Он вошел в комнату. В мгновение ока стальные ленты охватили его руки, ноги, талию и шею. Высокая мрачная личность с ястребиным носом и шрамом на левой щеке уставилась на Кармоди со странным выражением: убийственное веселье сочеталось в нем с елейной печалью.

Глава 3

– Эй, в чем дело? – крикнул Кармоди.

– Итак, – изрекла мрачная личность, – опять преступник сам бежит на плаху. Смотри на меня, Кармоди! Я твой палач. Ты заплатишь сейчас за свои преступления против человечества и грехи против себя самого. И позволь добавить, что это лишь предварительное наказание, которое не будет зачтено при вынесении окончательного приговора.

Палач вытащил из рукава нож. Кармоди проглотил комок, застрявший в горле, и снова обрел членораздельную речь.

– Стойте! – закричал он. – Я здесь не для казни.

– Знаю, знаю! – успокаивающе сказал палач, глядя вдоль лезвия на яремную вену Кармоди. – Что еще ты скажешь?

– Но это правда, – выкрикнул Кармоди. – Я думал, что получу Приз.

– Что? – переспросил палач.

– Приз, будьте вы прокляты, Приз! Спросите Посланца. Он привел меня получать Приз.

Палач пристально поглядел на него и отвернулся с видом невинной овечки. Он щелкнул выключателем на приборной доске. Стальные ленты превратились в серпантин, черное одеяние палача – в белый костюм клерка. Нож стал авторучкой. На месте шрама появился жировичок.

– Все в порядке, – сказал без тени сожаления бывший палач. – Я же предупреждал их, что не следует объединять Департамент Мелких Преступлений и Бюро Лотерей. Но нет, меня не слушают. Им на руку, если бы я убил вас. Вот смеху-то было бы, правда?

– Мне было бы не до смеху, – сказал Кармоди, дрожа.

– Ладно, нет смысла плакать из-за непролитой крови, – сказал Клерк. – Если бы мы принимали во внимание все обстоятельства, то вскоре исчерпали бы обстоятельства, необходимые, чтобы все принимать во внимание... Да, о чем это я? Впрочем, неважно. Предложение правильно, даже если слова не верны. Ваш Приз где-то здесь.

Он нажал кнопку на своем пульте. В комнате тут же материализовалась массивная конторка, которая на миг повисла в воздухе на высоте двух футов от пола, а затем с грохотом упала. Клерк начал открывать ящики, вытаскивая бумаги, сэндвичи, листики копирки, регистрационные карточки и огрызки карандашей.

– Приз должен быть где-то здесь, – сказал он с оттенком отчаяния. Нажал на другую кнопку. Конторка исчезла вместе с пультом.

– Проклятье, нервы ни к черту! – воскликнул Клерк. Он сунул руку в воздух, что-то там нашел и нажал. Очевидно, это была не та кнопка, поскольку на сей раз с предсмертным стоном исчез сам Клерк. Кармоди остался в одиночестве.

Он ожидал, беззвучно напевая про себя. Клерк возник снова; выглядел он не хуже, чем до своего неудачного эксперимента, если не считать синяка на лбу и некоторой грусти в глазах. Под мышкой он держал небольшой пакет в яркой обертке.

– Прошу прощения за задержку, – сказал он. – Ничего не получается сразу и как следует.

– Вам пришлось обежать всю Галактику? – пошутил Кармоди, намекая на общеизвестную сказку.

– Почему вы вообразили, что мы бегаем? – нахмурился Клерк. – Мы только вручаем.

– Знаю, – сказал Кармоди. – Но я полагал, что здесь, в Галактическом Центре...

– Вы, провинциалы, все одинаковы, – устало сказал Клерк. – Вы переполнены беспочвенными мечтами о порядке и совершенстве, которые не что иное, как идеализированные проекции вашей собственной неполноценности. Пора бы вам знать, что жизнь – это большая помойка и что всякий порядок имеет тенденцию нарушаться, а не наоборот; чем выше разум, тем больше сложностей он подмечает. Может, вы слышали о теореме Холджи: порядок есть

самая примитивная и произвольная группировка объектов в хаосе Вселенной. И если разум и сила существа приближаются к максимуму, то его коэффициент контроля (выражаемый через произведение разума и силы и обозначаемый символом Инь) стремится к нулю, поскольку число объектов, подлежащих осмыслению и контролю, увеличивается в геометрической прогрессии, катастрофически опережая Понимание, растущее всего лишь в арифметической прогрессии.

– Я никогда не думал об этом, – вежливо сказал Кармоди. Но ему уже начала надоедать бойкость гражданских служащих Галактического Центра. На все у них был ответ, а по существу они просто не работали как следует, сваливая свои промахи на космические законы.

– Ну да, все это верно, – продолжал Клерк. – Ваша точка зрения (я позволил себе прочесть ваши мысли) хорошо обоснована. Как и все другие организмы, мы используем разум, чтобы выявлять несоответствия. Но дело в том, что вещи всегда оказываются чуточку сложнее наших представлений о них. Справедливо и то, что мы не стремимся охватить их во всей полноте – делаем свое дело машинально и невнимательно, а иной раз даже ошибаемся. Важные документы лежат не на месте, машины барахлят, целые планетные системы выпадают из поля зрения. Но это легко объяснимо: как и всякие существа, наделенные свободой воли, мы подвержены влиянию эмоций. А что вы хотите? Кто-то же должен контролировать Галактику, иначе все полетит к чертям. Ведь галактики – это зеркальные отражения их обитателей: пока все и вся не способны управлять самими собой, необходим определенный внешний контроль. И кто же сделает это, если не мы?

– Разве вы не можете для этого построить машины? – спросил Кармоди.

– Машины! – презрительно воскликнул Клерк. – У нас их хватает, причем довольно сложных. Но даже лучшие из них похожи на ученых идиотов. Они хороши лишь для утомительно прямолинейных задач, вроде сооружения звезд или разрушения планет. Но поручите им что-нибудь трудное, например, утешать вдову, и они просто разлетятся на куски от натуги. Поверите ли, крупнейший компьютер нашего сектора, который запросто обустроит целую планету, не способен поджарить яичницу или сочинить мелодию, а в этике он разбирается хуже новорожденного волчонка. И вы хотите, чтобы такая штука командовала вашей жизнью?

– Конечно, нет, – сказал Кармоди. – Но неужели никто не смог построить машину, умеющую рассуждать и творить?

– Кто-то смог. – Клерк пожал плечами. – Но она была сконструирована так, чтобы учиться на собственном опыте, а это означает, что на пути к истине она обязательно совершает ошибки. Ее выпускают в различных вариантах, отличающихся формой и размерами. Очевидные недостатки этой модели, как оказалось, являются продолжением ее достоинств. Пока никому не удалось усовершенствовать базовую конструкцию, хотя пытались многие. Это оригинальное устройство называется «разумной жизнью».

Клерк улыбнулся самодовольной улыбкой творца афоризма. Кармоди захотелось щелкнуть его по курносому носику, вздернутому, как у мопса. Но он сдержался.

– Если вы закончили лекцию, – сказал он, – я хотел бы получить Приз.

– Как вам угодно, – сказал Клерк. – Если, конечно, вы уверены, что хотите получить его.

– А есть какие-нибудь причины, чтобы не хотеть?

– Конкретной причины нет, – ответил Клерк. – Есть только общее правило: если у вас появляется какая-то новинка, это всегда чревато последствиями.

– Я попытаю счастья, – улыбнулся Кармоди. – Пусть будет Приз.

– Ну хорошо, – сказал Клерк. Он вытащил из маленького заднего кармана большой блокнот и сотворил карандаш. – Итак, сначала мы должны заполнить карточку. Ваше имя Кар-Моди, вы с планеты 73С, системы ВВ454С252 Левого Квадранта Местной Галактической системы из ЛК по СД, и вы выбраны по жребию примерно из двух миллиардов претендентов. Правильно?

– Вам это лучше известно, – сказал Кармоди.

– Так... минуточку... – пробормотал Клерк, быстро листая страницы. – Я пропущу описание, поскольку вы берете Приз на свой страх и риск.

– Конечно, пропусайте, – согласился Кармоди.

– И затем есть еще раздел об Определении Съедобности, параграф о Взаимном Несоответствии Понятий между вами и Бюро Лотерей Галактического Центра, параграф о Безответственной Этике и, конечно, Определитель Предельных Сроков Наследования. Но все это стандартные правила; полагаю, вас они не смущают?

– Конечно, с какой стати? – сказал Кармоди, чувствуя, что голова у него идет кругом. Ему не терпелось посмотреть, как выглядит Приз Галактического Центра. И он страшно хотел, чтобы закончилась волокита.

– Очень хорошо, – сказал Клерк. – Теперь подпишитесь вот тут под текстом на мыслечувствительной полоске, и делу конец.

Не совсем понимая, что от него требуется, Кармоди подумал: «Да, я принимаю Приз на всех установленных для сего условиях». Низ странички порозовел.

– Спасибо, – сказал Клерк. – Контракт самолично засвидетельствовал согласие. Примите поздравления, Кармоди, и вот ваш Приз.

Он вручил коробку в веселенькой обертке. Кармоди пробормотал благодарность и нетерпеливо принялся ее разворачивать. Но не успел из-за внезапного грубого вторжения. В комнату ворвался безволосый коротышка в сверкающей одежде.

– Ха! – воскликнул он. – Я застал вас на месте преступления, клянусь клутенами! Вы что, на самом деле надеетесь удрать с ним?

Коротышка кинулся к Призу, но Кармоди поднял коробку над головой.

– Что вам нужно? – закричал он.

– Нужно? Мне нужен Приз, что еще? Я Кармоди!

– Нет, вы не Кармоди, – сказал Кармоди. – Это я Кармоди.

Маленький человек остановился и поглядел на него с удивлением.

– Вы претендуете на то, что вы – Кармоди?

– Я не претендую. Я и есть Кармоди.

– Кармоди с планеты 73С?

– Я не знаю, что такое 73С, – сказал Кармоди. – Мы называем свою планету Землей.

Коротенький Кармоди уставился на него. Ярость на его лице сменилась сомнением.

– Земля? – переспросил он. – Не уверен, что слышал о такой. Она член Члзерианской Лиги?

– Нет, насколько мне известно.

– Может быть, она входит в Ассоциацию Независимых Планетовладельцев? Или в Звездный Кооператив Скеготайн? Или она принадлежит к Объединенному Планет-профсоюзу? Нет? А ваша планета вообще член какой-нибудь надзвездной организации?

– Думаю, что нет.

– Так я и знал! – воскликнул маленький Кармоди и обернулся к Клерку: – Посмотрите на него, идиот! Посмотрите на это существо, которому вы вручили мой Приз. Посмотрите на эти тупые свинячьи глазки, на его челюсти, на роговые отростки на концах его пальцев!

– Стойте! – прервал Кармоди. – Вы не имеете права оскорблять меня.

– Вижу, вижу, – согласился Клерк. – Действительно, не рассмотрел раньше. Никак не ожидал, что...

– Почему, черт побери? – закричал космический Кармоди. – Ведь любой сразу же сказал бы вам, что это существо не из 32-го класса жизненных форм. Факт налицо: этот тип даже близко не лежал возле 32-го класса. Он даже не дошел до галактического статуса! Вы – круглый идиот, вы вручили мой Приз какому-то ничтожеству, почти животному!

Глава 4

– Земля! Земля! – рассуждал коротенький Кармоди. – Теперь я припоминаю такое название. Недавно появилось сообщение об изолированных мирах и особенностях их развития. Земля упоминается там как планета, населенная маниакально сверхпродуктивными видами жизни. Манипуляция веществом в самом отсталом варианте. Пытаются выжить за счет реаккумуляции собственных отбросов. Короче, нездоровое место. Думаю, что ее не включили во Всегалактический План из-за хронической Вселенской несовместимости. В будущем ее реконструируют и превратят в заповедник для нарциссов.

Всем стало ясно, что произошла трагическая ошибка. Обвинили в невнимательности Посланца – он не отрицал очевидного. Клерк же, напротив, стойко отстаивал свою невиновность, ссылаясь на уважительные причины, которые, впрочем, никто не уважил.

А Лотерейный Компьютер, который-то, главным образом, и напутал, один из всех, вместо того чтобы извиняться и оправдываться, не только признал ошибку, но даже явно гордился ею.

– Я изготовлен, – объявил Компьютер, – с минимальными допусками. Я рассчитан на выполнение сложных и точных операций, допускающих не более одной ошибки на пять миллиардов действий.

– Ну и что с того? – спросил Клерк.

– Вывод ясен: я запрограммирован на ошибку, и я выполнил то, на что запрограммирован. Вы должны запомнить джентльмены, что для машины ошибка имеет этическое значение, да-да, исключительно этическое. Идеальная машина невозможна, и любая попытка создать такую машину была бы богохульством. Во все живое, даже в ограниченно живую машину, обязательно встроена ошибка. Это один из нескольких признаков, отличающих жизнь от детерминизма неживой материи. Сложные машины вроде меня занимают промежуточное положение между живым и неживым. Если бы мы никогда не ошибались, то были бы... э-э... неуместными, отвратительными и... и бессмертными. Джентльмены, я смею утверждать, что погрешность – это наша форма служения тому, кто совершеннее нас, но не позволяет себе видимого совершенства, если бы ошибка не была предусмотрена Верховным Программистом, то мы ошибались бы спонтанно, демонстрируя тем самым, что нам, как и живым существам, достались какие-то крохи свободы воли.

Все склонили головы, ибо Лотерейный Компьютер говорил о священных вещах. Галактический Кармоди, известный также как Кармод, смахнул слезу и сказал:

– Не могу возразить, хотя и не согласен. Право быть неправым – основное в космосе. Машина поступила высоконравственно.

– Спасибо, – скромно сказал Компьютер. – Я стараюсь.

– Но остальные, – продолжал Кармод, – просто дурака валяли.

– Это наше неотъемлемое право, – напомнил ему Посланец. – Делая глупости при выполнении своих обязанностей, мы тем самым поклоняемся Святой Ошибке. Это заслуживает смирения, а не презрения.

– Будьте так добры, избавьте меня от вашей сладкоречивой религиозности, – сказал Кармод. – А ты, – продолжал он, поворачиваясь к земному Кармоди, – ты слышал, что тут говорили? Уловил суть своим первобытным умишком?

– Я понял, – кратко ответил Кармоди.

– Теперь ты знаешь, что этот Приз принадлежит мне, он мой по праву. Итак, сэр, я вынужден вас просить и я вас прошу передать его мне.

Кармоди был уже склонен к тому, чтобы согласиться. Он устал от своего приключения и не чувствовал непреодолимого желания отстаивать Приз. Ему хотелось домой, хотелось сесть и обдумать все, что случилось, часок соснуть, выпить чашечку кофе, выкурить сигарету.

Конечно, приятно было бы и Приз удержать, но, кажется, игра не стоила свеч. И Кармоди был готов уже передать коробку, как вдруг услышал приглушенный шепот:

– Не делай этого!

Кармоди быстро огляделся и понял, что голос исходит из коробки в веселенькой обертке. Говорил сам Приз.

– Ну-ну, давай же, – настаивал Кармод. – Не тяни. У меня неотложные дела.

– К черту его и его дела, – прошептал Приз. – Я твой Приз. Нет никаких оснований отдавать меня.

Пожалуй, теперь все выглядело в ином свете. Кармоди уже готов был отдать Приз, ему не хотелось ввязываться в хлопоты в чуждом неведомом мире. И он уже протянул было руку, когда Кармод опять раскрыл рот:

– Отдай его сию же минуту, ты, слизняк бесформенный! – закричал он. – Давай быстро и изобрази извинение на своей примитивной физиономии, а не то я вышибу из тебя это упрямство!

Кармоди сжал челюсти и отдернул руку. Слишком долго его тут оскорбляли. Он не мог уступить, хотя бы из самоуважения.

– Пошел к черту, – сказал он, невольно повторяя слова Приза.

Космический Кармоди понял, что выбрал неверную тактику. Он позволил себе большую роскошь: гнев и насмешки, если даешь им выход за пределами своей уединенной звукоизолированной пещеры, обычно обходятся слишком дорого. Вот и сейчас, поиграв словами, он упустил свой шанс на выигрыш. Чувства завели его слишком далеко – приходилось идти на попятную.

– Прошу простить мой воинственный тон, – сказал он. – Моя раса склонна к самовыражению, принимающему порой разрушительные формы. В том, что вы принадлежите к низшим существам, вашей вины нет. Я не хотел оскорбить вас.

– Ладно, все в порядке, – сказал Кармоди вежливо.

– И вы отдадите мой Приз?

– Нет, не отдам.

– Но, дорогой сэр, это же мой Приз. Его выиграл я, и по всей справедливости...

– Приз не ваш, – заявил Кармоди. – Мое имя было выбрано законными властями, а именно Лотерейным Компьютером. Полномочный Посланец принес мне извещение, и Клерк, официальное лицо, вручил мне этот Приз. Итак, все ответственные распорядители, а также и сам Приз, считают меня законным получателем.

– Ну, детка, ты и сказанул, – шепнул Приз.

– Но, дорогой сэр! Вы же сами слышали. Компьютер признал свою ошибку! И по вашей собственной логике...

– Это утверждение нужно сформулировать иначе, – сказал Кармоди. – Компьютер вовсе *не признал* ошибку ошибкой, сиречь актом беспечности и недосмотра. Он признался в ошибке, которая совершена умышленно и благоговейно. Означенная ошибка, по его собственному утверждению, была предусмотрена, тщательно запланирована и скрупулезно рассчитана во имя эстетических и религиозных идеалов, внушающих всяческое уважение.

– Да этот тип спорит не хуже самого Борка, – пробурчал Кармод. – Тот, кто не знает его как следует, может даже подумать, что это истинный разум, а не тупое механическое копирование заученных образцов. Однако я воспользуюсь этим же оружием, и писклявый тенор его отговорок потонет в мощном басы неопровержимой логики!

Кармод повернулся к Кармоди и заявил:

– Допустим, что машина ошиблась преднамеренно, на чем и основана ваша аргументация. Но вы приняли Приз и тем самым поставили в этом деле точку. Удерживать Приз дальше –

значит превращать оплошность в законную награду, а двойное благочестие, как известно, становится богохульством.

– Ха! – воскликнул Кармоди, увлеченный духом спора. – Чтобы доказать свою правоту, вы рассматриваете ошибку не во всей ее полноте, а как некий мгновенный акт. Очевидно, что это не так. Ошибка существует только в своих последствиях – лишь они и придают ей значение. Не увековеченная ошибка вообще не может считаться ошибкой. Поправимая и безрезультатная ошибка – это самый что ни на есть верный признак поверхностного благочестия. Поэтому, так лучше вообще ее не совершать, чем подменять ханжеским лицемерием! А еще я вот что скажу: для меня не такая уж потеря отдать этот Приз, потому что я даже не знаю его ценности. Но это огромная потеря для благочестивой машины, этого скрупулезно законопослушного Компьютера, который, проходя сквозь бесконечный ряд пяти биллионов правильных действий, терпеливо ожидал возможности проявить свое богом данное несовершенство.

– Слушайте! Слушайте! – вскричал Приз. – Bravo! Ура! Хорошо сказано! Совершенно правильно и неопровержимо!

Кармоди скрестил руки на груди, глядя на смущенного противника. Он был очень горд собой. Не так уж плохо для человека с Земли, попавшего в Галактический Центр без всякой подготовки! Встречающиеся там высшие жизненные формы совсем не обязательно должны быть разумнее людей. По галактическим меркам разум ценится не выше, чем длинные когти или крепкие копыта. А инопланетные существа и впрямь обладают множеством способностей – и на словах, и на деле. Некоторые, например, могли заговорить руку человека, внушить, что она оторвалась. Оказываясь лицом к лицу с обладателями таких талантов, люди Земли испытывали глубокую неполноценность, бессилие, несоразмерность и никчемность. А поскольку эти ощущения подтверждаются в Галактике на каждом шагу, возникшая психическая травма постоянно усиливается. Результатом чаще всего является психомоторное торможение и прекращение всякой активности за исключением чисто рефлекторных процессов. Такое развитие событий можно предотвратить, только изменив всю природу Вселенной, что, конечно, не очень практично. Таким образом, посредством своей безрассудной контратаки Кармоди избежал страшной опасности, нависшей над его рассудком.

– Ты складно говоришь, – неохотно признал Кармод. – Но Приз будет моим.

– Не будет!

Глаза чужака зловеще сверкнули. Клерк и Посланец тут же разбежались по углам, а Компьютер, пробормотав: «Неумышленная ошибка ненаказуема», быстро выкатился из комнаты. Кармоди не отступил, поскольку отступать ему было некуда. Приз прошептал: «Смотри в оба», – и сжался в кубик со стороны не более дюйма.

Из ушей Кармоды раздался гул, над головой вспыхнул фиолетовый нимб. Он поднял руки, и с кончиков его пальцев полетели капли расплавленного свинца. Он угрожающе шагнул вперед, и Кармоди невольно зажмурился.

И ничего не произошло. Кармоди открыл глаза.

За это мгновение Кармод, очевидно, передумал и разоружился. На его губах играла вежливая улыбка.

– По зрелом размышлении, – сказал он лукаво, – я решил отказаться от своих прав. То, что предвидишь, осуществляется не сразу, особенно в такой неорганизованной Галактике, как наша. Мы можем встретиться, а можем и не встретиться, Кармоди. Не знаю, что для вас лучше. Прощайте, Кармоди, *счастливого* вам пути.

С этим зловеще прозвучавшим пожеланием Кармод исчез. Кармоди нашел его манеры странными, но весьма впечатляющими.

Часть II Куда?

Глава 5

– Ну и ладно, – сказал Приз. – Будь что будет. Надеюсь, мы в последний раз видели этого урода. Пошли к тебе домой, Кармоди!

– Прекрасная мысль, – охотно согласился Кармоди. – Посланец, я хочу домой!

– Вполне естественное желание, – сказал Посланец. – И вполне реалистичное. Я сказал бы даже, что вам следует отправиться домой – и как можно скорее.

– Ну так и отправьте меня.

Посланец покачал головой:

– Это не мое дело. Я обязан был только доставить вас сюда.

– Чье же это дело?

– Ваше собственное, Кармоди, – сказал Клерк.

Кармоди почувствовал, что тонет. Он начал понимать, почему Кармод так легко отступился.

– Послушайте, – взмолился он, – мне совестно затруднять вас, но я действительно нуждаюсь в помощи.

– Хорошо, – сказал Посланец. – Давайте координаты вашего дома, и я доставлю вас.

– Координаты? Понятия не имею о координатах. Моя планета называется Землей.

– Пусть Земля, пусть Зеленый Сыр, безразлично. Если хотите, чтобы я вам помог, нужны координаты.

– Но вы же там были! Вы же прибыли на Землю и оттуда доставили меня...

– Вам это только показалось, – терпеливо пояснил Посланец. – На самом деле я отправился в точку, координаты которой дал мне Клерк, а он получил их от Лотерейного Компьютера. В той точке были вы, и я привел вас сюда.

– А вы можете доставить меня назад по тем же координатам?

– Могу, и с величайшей легкостью, но вы там ничего не найдете. Галактика, знаете ли, не статична. В ней все движется – и каждый предмет со своей скоростью и по своему пути.

– А вычислить по этим координатам теперешнее положение Земли вы можете? – спросил Кармоди.

– Я не могу даже сложить столбика цифр, – гордо сказал Посланец. – Мои таланты лежат в другой области.

Кармоди повернулся к Клерку:

– Тогда, может быть, вы? Или Лотерейный Компьютер?

– Я тоже не силен в сложении, – отмахнулся Клерк.

– А я складываю великолепно, – объявил Компьютер, снова вкатываясь в комнату. – Но мои функции ограничены отбором выигравших в Лотерею и определением их местонахождения в пределах допустимой ошибки. Ваше местонахождение я установил (сейчас вы здесь). Следовательно, интересная теоретическая работа по определению текущих координат вашей планеты мне запрещена.

– Может, сделаете одолжение? – взмолился Кармоди.

– На одолжения не запрограммирован, – ответил Компьютер. – Найти вашу планету для меня так же невозможно, как поджарить яичницу или разделить Новую на три равные части.

– Но хоть кто-нибудь мне поможет?

– Не отчаивайтесь, – сказал Клерк. – Есть «Служба Помощи Путникам», она все организует в единый миг. Я сам вас туда доставлю. Дайте им координаты вашего дома, и они все сделают.

– Но я их не знаю!

Все опешили, на какое-то время лишившись дара речи. Первым пришел в себя Посланец:

– Кто же может знать ваш адрес, если вы и сами-то его не знаете? Эта Галактика, может, и не бесконечна, но все-таки она достаточно велика. Существо, не знающее своего Местожительства, не должно выходить из дома.

– Тогда я этого не знал, – сказал Кармоди.

– Вы могли спросить.

– Мне и в голову не приходило... Слушайте, вы должны мне помочь. Неужели так трудно выяснить, куда передвинулась моя планета?

– Это невероятно трудно, – сказал Клерк. – «Куда» – только одна из трех необходимых координат.

– А какие же две другие?

– Еще нам нужно знать «Когда» и «Которая». Мы называем их «Три К» Местожительства.

– Какая разница, называйте хоть Зеленым Сыром, – внезапно взорвался Кармоди. – Как находят дорогу домой другие существа?

– Они используют свой наследственный инстинкт гнезда, – сказал Посланец. – Между прочим, вы уверены, что у вас его нет?

– Не знаю, – ответил Кармоди.

– Откуда у него инстинкт гнезда? – вставил Приз негодуя. – Парень ведь никогда не покидал родной планеты! У него такой инстинкт просто не мог развиваться.

– Справедливо. – Клерк устало вытер лицо. – Вот что получается, когда имеешь дело с низшими формами жизни. Будь проклята эта машина и ее благочестивые ошибки!

– Только одна на пять миллиардов, – сказал Компьютер. – Честное слово, я не требую слишком многого.

– Никто вас не обвиняет, – вздохнул Клерк. – Собственно говоря, никто никого не винит. Но нам нужно решить, что с ним делать.

– Большая ответственность! – вздохнул Посланец.

– Конечно, – согласился Клерк. – А может, прикончить его, и дело с концом?

– Эй-эй! – крикнул Кармоди.

– О'кей, я согласен, – сказал Посланец.

– Что вам о'кей, то и мне о'кей, – присоединился Компьютер.

– Я не в счет, – сказал Приз. – Я пока еще не во всем разобрался, но в самой идее мне чудится что-то неправильное.

Кармоди произнес страстную речь о том, что он не хочет умирать и не должен быть убит. Он взывал к лучшим чувствам своих судей и принципу честной игры. Но его заявление было признано пристрастным и вычеркнуто из протокола.

– Придумал! – неожиданно сказал Посланец. – Что вы скажете об альтернативном решении? То есть давайте не убивать его. Давайте искренне и в полную меру наших сил поможем ему вернуться домой, живым и невредимым, в здравом уме и твердой памяти.

– Это мысль, – согласился Клерк.

– Таким способом, – продолжал Посланец, – мы явим образец величайшего милосердия, тем более бесценного, поскольку оно будет напрасным, так как, по всей видимости, наш клиент все равно по дороге будет убит.

– И поспешим, – сказал Клерк, – если не хотим, чтобы его убили у нас на глазах, прежде чем мы кончим этот разговор.

– А в чем дело? – встревожился Кармоди.

- Я все тебе потом объясню, – прошептал Приз. – Если, конечно, у тебя будет это «потом». А если найдется еще время, я расскажу тебе потрясающую историю о себе самом.
- Приготовьтесь, Кармоди! – воззвал Посланец.
- Я готов, – сказал Кармоди. – Надеюсь.
- Готов или нет, отчаливай!
- И Кармоди отчалил.

Глава 6

Возможно, впервые в истории рода людского человек провалился на месте в полном смысле слова. Кармоди казалось, что сам он недвижим, а все вокруг разъезжается. Посланец и Клерк растаяли вдаль. Галактический Центр стал плоским, похожим на скверно намалеванную театральную декорацию. Затем в ее левом верхнем углу появилась трещина и, расширяясь и удлиняясь, поползла по диагонали вниз. Края ее отогнулись, открывая крошечную тьму. И декорация, она же Галактический Центр, свернулась в два рулона. От Центра не осталось даже мусора.

– Не бойся, это все зеркала, – шепнул Приз.

Пояснение еще больше испугало Кармоди. Он старался держать себя в руках и еще крепче держал в руках Приз. Тьма стала абсолютной, беспросветной, безгласной и пустой – самый настоящий космос. Кармоди терпеливо перенес это превращение, хотя сколько оно длилось, он так и не понял.

Затем в один миг сцена вновь осветилась. Кармоди стоял на твердой земле. Перед ним высились горы, белые, как обглоданные кости. У ног лежала река застывшей лавы. Слабый ветер дул в лицо. Над головой висели три крошечных красных солнца.

Местность выглядела куда диковинней, чем Галактический Центр, но все же Кармоди почувствовал облегчение. Такие пейзажи видишь иногда во сне. Центр же был из ряда настоящих кошмаров.

Тут он спохватился, что в руках у него нет Приза – куда же он мог подеваться? Кармоди начал растерянно озираться и вдруг ощутил, что вокруг его шеи что-то обвилось... Маленький зеленый уж!

– Это я, – прошипела змейка. – Твой Приз. Просто я в другом образе. Форма, видишь ли, это функция среды, а мы, Призы, к среде чрезвычайно чувствительны. Так что не волнуйся, детка, я с тобой. Мы еще освободим Европу от корсиканского чудовища.

– Что-о?

– А ты ищи аналогии, – посоветовал Приз. – Видишь ли, доктор, мы, Призы, при всей глубине нашего интеллекта не обзавелись собственным языком. Да и к чему нам свой язык, если нас все равно раздают разным пришельцам? Я просто запускаю руку в склад твоих ассоциаций и выуживаю оттуда словечки, чтобы пояснить мою мысль. Ну как, пояснил я мою мысль?

– Не очень, – вздохнул Кармоди. – Потом разберусь.

– Вот и умница, – сказал Приз. – Слова могут показаться сперва туманными, но ты обязательно их дешифруешь. В конце концов, это же твои слова. У меня есть прелестный анекдот на эту тему, но, боюсь, теперь нам не до анекдотов. Похоже, очень скоро что-то произойдет.

– Что? Что произойдет?

– Кармоди, мон шер, нет времени все объяснять, нет времени объяснить даже самое необходимое, то, что ты обязан был знать, чтобы сохранить свою жизнь. Клерк и Посланец были так любезны...

– Эти убийцы и ублюдки!

– Не следует так легко осуждать убийство, – сказал Приз с упреком. – Это показывает беспечность твоей натуры. Я припоминаю дифирамб на эту тему, но процитирую его после. Так о чем я? Да, о Клерке и Посланце. Изрядно потратившись, эта достойная пара послала тебя именно в то место Галактики, где (вполне возможно) тебе помогут. Они вовсе не обязаны были это делать. Они запросто могли бы казнить тебя за будущие преступления или послать на твою планету, но только туда, где она была раньше и где ее, безусловно, нет сейчас. А могли и проэкстраполировать ее наиболее вероятное положение в данный момент и послать тебя

туда. Но поскольку они неважные экстраполяторы, то и результат был бы неважным во всех отношениях. Так что, видишь ли...

– Да, но где я сейчас? – спросил Кармоди. – И что должно здесь произойти?

– Я к тому и веду, – сказал Приз. – Тебе, наверное, уже ясно, что эта планета называется Лурсис². У нее только один обитатель – Мелихрон³ Изначальный. Он живет здесь с незапамятных времен и будет жить дольше, чем можно себе представить. Мелихрон в своем роде, как бы это сказать, козырный туз. Он неповторим в своей изначальности, он вездесущ по своей природе, он многолик как индивидуум. Это о нем сложено:

Вот оно чудо! Герой одинокий,
Славное имя его повторяют уста повсеместно,
Бранный союз заключивший с собой,
Чтобы в яростных битвах
Себя самого отстоять от себя самого же...

– Ну тебя к черту, – огрызнулся Кармоди. – Треплешься, как целая сенатская подкомиссия, а толку ни на грош!

– Просто я волнуюсь, – плаксиво сказал Приз. – Черт возьми, человек, неужели ты думаешь, что я был готов ко всему этому? Я потрясен, я действительно потрясен, поверь мне. А объясняю все это тебе я только потому, что если мне не удастся взять бразды правления в свои руки, то весь этот чертов восковой шар рассыплется, как домик из червивых карт.

– Червовых, – рассеянно поправил его Кармоди.

– Червивых! – взвизгнул Приз. – Да ты видел хоть когда-нибудь, как рушится домик из червивых карт? Я-то видел, и зрелище это не из приятных.

– Знаешь ли, все это похоже на дешевый спектакль, – сказал Кармоди, не сдержав усмешки.

– Прекрати! – прошипел Приз с внезапной злостью. – Возьми себя в руки. Сосредоточься. Отрешишь от суеты. Настрой подкорку на встречу со светилом. Вот он, славный Мелихрон!

Кармоди был почему-то спокоен. Он неторопливо оглядел колеблющийся ландшафт, но не увидел ничего нового.

– Так где же он?

– Мелихрон воплощается, чтобы иметь возможность говорить с тобой. Отвечай ему смело, но деликатно. Никаких намеков на его недостаток. Это разозлит его. Разумеется...

– Какой недостаток?

– Разумеется, ты помнишь о его ограничении. И сверх того, когда он задаст свой вопрос, отвечай очень осторожно.

– Постой! – крикнул Кармоди. – Ты совсем запутал меня. Какой недостаток? Какое ограничение? Какой вопрос?

– Не придирайся. Терпеть этого не могу, – сказал Приз. – Теперь баста! Помираю – спать хочу. Невыносимо оттягивал очередную спячку, и все из-за тебя. Валяй, козлик! И не позволяй всучить себе деревянную печку!

С этими словами зеленая змейка потянулась, сунула себе хвостик в рот и погрузилась в сон.

– Ах ты, проклятый шут гороховый! – взорвался Кармоди. – Еще Призом называешься. Пользы от тебя, как от монет на глазах мертвеца.

² Лурсис – заманчивая (греч.).

³ Мелихрон – улучшающий время (греч.). – Прим. пер.

Но Приз уже спал и не мог или не желал слышать ругань Кармоди. Впрочем, для перебранки уже не было времени. В следующий момент голая гора слева от Кармоди превратилась в огнедышащий вулкан.

Глава 7

Вулкан кипел и дымился, извергал пламя и швырял в черное небо ослепительные огненные шары, рассыпавшиеся миллионами раскаленных обломков. Каждый кусок дробился снова и снова, пока все небо не засияло, затмив три маленьких солнца.

– Ого-го-го! – воскликнул Кармоди.

Это было похоже на мексиканский фейерверк в парке Чапультепек, и Кармоди искренне восхитился.

Затем сверкающие глыбы обрушились в океан, который специально возник, чтобы поглотить их. Глубины его закипели, вздымая разноцветные столбы пара, которые, свиваясь, превратились в выпуклое облако, тут же пролившееся ливнем. Поднявшийся ветер собрал затем воды в гигантский смерч, толстоствольный, черный, с серебристыми отблесками. Смерч направился к Кармоди под аккомпанемент ритмичных ударов грома.

– Хватит! – завопил Кармоди.

Подойдя вплотную, смерч рассыпался, ветер и дождь умчались, гром затих, превратившись в зловещий гул. В гуле можно было различить звуки фанфар и лютни, причитание шотландской волынки и нежный стон арф. Инструменты звенели все тоньше и тоньше, причем мелодия стала напоминать торжественное вступление, звучащее в исторических боевиках фирмы «Метро-Голдвин-Майер», пока идут титры. Наконец был дан последний взрыв звука, света, цвета, движения и всякого прочего. Воцарилось молчание.

Пока шли финальные аккорды, Кармоди закрыл глаза. Он открыл их как раз вовремя. Звук, свет, цвет, движение и всякое прочее превратились в обнаженную человеческую фигуру.

– Привет! – сказал человек. – Я Мелихрон. Как вам нравится мой выход?

– Я сражен, – сказал Кармоди совершенно чистосердечно.

– В самом деле? – переспросил Мелихрон. – То есть вы в самом деле сражены? Не просто потрясены, да? Говорите правду, не щадите моего самолюбия.

– Честное слово, – сказал Кармоди. – Я ошеломлен.

– Это очень мило с вашей стороны, – сказал Мелихрон. – Вы видели небольшое предисловие ко Мне. Я разработал его совсем недавно. Думаю (и я действительно так думаю), оно кое-что обо мне говорит, не правда ли?

– Бесспорно, – сказал Кармоди. Он силился понять, кого напоминает ему Мелихрон, но черная, как агат, идеально пропорциональная фигура стоявшего перед ним героя была полностью лишена индивидуальных черт. Особенным был только голос: чистый, озабоченный и слегка плаксивый.

– Конечно, все эти вступления – большая нелепость, – сказал Мелихрон. – Но ведь это моя планета. И если не пускать пыль в глаза на собственной планете, то где же еще ее пускать, а?

– Возражений быть не может, – сказал Кармоди.

– Вы и в самом деле так думаете? – переспросил Мелихрон.

– В самом деле и с полнейшей искренностью.

Некоторое время Мелихрон обдумывал ответ, а затем сказал отрывисто:

– Спасибо. Вы мне нравитесь. Вы – разумное, понимающее существо и не боитесь говорить вслух то, что думаете.

– Благодарю вас, – сказал Кармоди.

– Но я действительно так думаю, – настаивал Мелихрон.

– И я действительно благодарю вас, – повторил Кармоди, изо всех сил стараясь, чтобы его голос не дрожал.

– И я действительно рад, что вы прибыли. Моя интуиция (а я, видите ли, очень интуитивен и горжусь этим) подсказывает, что вы можете мне помочь.

У Кармоди чуть не сорвалось с языка, что он совсем не расположен помогать кому бы то ни было, ибо не в состоянии помочь себе самому в таком важном деле, как поиск дороги домой. Но он решил промолчать, боясь обидеть Мелихрона.

– Моя проблема, – заявил Мелихрон, – порождена моим положением. А положение у меня удивительное, единственное в своем роде, странное и многозначительное. Вы слышали, должно быть, что вся эта планета целиком моя. Более того, я – единственное существо, способное здесь жить. Некоторые пробовали: создавали колонии, привозили животных, сажали растения. Все с моего соизволения, конечно, но тщетно. Чуждое этой планете вещество распалось тонкой пылью, а мои ветры унесли ее в космос. Что вы думаете об этом?

– Поразительно! – воскликнул Кармоди.

– В самом деле поразительно. Ни одно существо не может здесь выжить, только я и мои продолжения, – подтвердил Мелихрон. – Меня чуть удар не хватил, когда я понял это.

– Воображаю себе, – сказал Кармоди.

– Я здесь с незапамятных времен, – продолжал Мелихрон. – Веками я жил, не мудрствуя лукаво, в образе амеб, лишайников, папоротников. Как хорошо и ясно все было в ту пору! Я жил, как в райском саду.

– Наверное, это было чудесно, – заметил Кармоди.

– Мне лично нравилось. Но, сами понимаете, это не могло продолжаться бесконечно. Я открыл эволюцию и сам стал эволюционировать, меняя мою планету, чтобы приспособить ее к себе. Я принимал множество обликов (иногда не очень приятных). Я познавал внешний мир, экспериментируя с объектами, которые там обнаружил. Я прожил много долгих жизней в телах высокоразумных существ галактики – человекоподобных, хтеризоподобных, олихордовых и многих других. Я осознал свою исключительность, и это стало причиной моего одиночества, с которым я не мог смириться. И я восстал!.. Я вступил в человеческую фазу развития, которая длилась миллионы лет. Воплотил себя в целые народы и позволил им (мужайтесь!), позволил моим народам воевать друг с другом. Почти тогда же я постиг секс и искусство. Привил то и другое моим народам, и начались веселые времена. Я разделился на мужчин и женщин, причем каждое естество было и самостоятельной единицей, и в то же время частицей меня. Я молился и размножался, предавался разврату, сжигал себя на кострах, устраивал сам себе ловушки, заключал с собой мирные договоры, женился на себе и разводился с собой, проходил через бесчисленные миниатюрные автосмерти и саморождения. Частицы меня подвизались в искусстве (некоторые весьма успешно), а также в религии. Они молились – мне, разумеется. И это было справедливо, поскольку я был причиной всех вещей. Я даже позволил им признавать и прославлять верховные существа, которые не были мной. Потому что в те дни я был чрезвычайно либерален.

– Это было очень разумно с вашей стороны, – сказал Кармоди.

– Да, я стараюсь быть разумным, – проговорил Мелихрон. – Я мог позволить себе стать разумным. Для этой планеты я был Богом. Да-да, нечего ходить вокруг да около: я был верховным существом, бессмертным, всемогущим и всеведующим. Все исходило от меня, даже ереси насчет моей сущности. Даже в крохотной травинке была частичка меня. Я создавал горы и наливал реки, был жизнью в семени и смертью в чумной бацилле. Я был причиной урожая и голода. Ни один волос не мог упасть помимо моей воли, ибо я был Тем, Кто Связывает и Развязывает, Единым и Многим, Тем, Кто Всегда Был, и Тем, Кто Всегда Будет.

– Это действительно кое-что, – сказал Кармоди.

– Да-да, – Мелихрон застенчиво улыбнулся. – Я был Ведущим Колесом Большого Небесного Велосипеда, как выразился один из моих поэтов. Это было прекрасно. Мои подданные писали пейзажи, а восходы и закаты для них создал я. Мой народ пел о любви, а любовь изобрел я. Чудесные дни, где вы?

– А почему бы вам их не вернуть? – спросил Кармоди.

– Потому что я вырос, – печально сказал Мелихрон. – Бессчетные эпохи я упражнялся в творении, а теперь стал вопрошать мои творения и себя самого. Мои священники вечно препирались между собой, дискутируя о моей природе и моих совершенствах. Я как дурак их слушал. Приятно послушать, как какой-нибудь богослов разглагольствует о тебе, однако это оказалось и опасно. Я сам начал дивиться своей природе и своим совершенствам. Я размышлял и занимался самоанализом. И чем больше я ломал голову, тем непостижимей себе казался.

– А почему вы не спросили себя? Ведь вы же были Богом? – удивился Кармоди.

– Вот в том-то и загвоздка, – вздохнул Мелихрон. – Мои творения не видели проблемы. Для них я оставался Богом, пути которого неисповедимы, но который тем не менее основной своей задачей считает воспитание и наказание всех этих существ, обладающих свободой воли (будучи, по сути, мною). Все, что я делал, было выше всякой критики, потому что это делал я. Ведь все мои действия, даже простейшие, были в конечном счете неисповедимы, поскольку неисповедим я сам. Другими словами, чтобы постичь смысл моих действий, необходимо было охватить всю реальность целиком, на что способен только Божественный разум. То есть мой. Примерно так преподносили все это и мои выдающиеся мыслители. И они добавляли еще, что полным пониманием я удостою их на небесах.

– Вы и небеса создали? – спросил Кармоди.

– Конечно. А также преисподнюю. – Мелихрон улыбнулся. – Вы бы видели лица этих существ, когда я воскрешал их в раю или в аду! Ведь на самом деле даже самые преданные не верили в потусторонний мир. – Полагаю, вам нравилось это?

– Только поначалу. Но со временем надоело. Без сомнения, я немного тщеславен, но бесконечная неискренняя лесть надоела мне до отвращения. Ну скажите бога ради, зачем же восхвалять Бога только за то, что он выполняет свое Божественное назначение? С таким же успехом можно молиться муравью за успешное обдελывание им своих муравьиных делишек. Это положение дел перестало меня удовлетворять. Я нуждался в самопознании, а видел лишь восторженные взгляды своих творений.

– И что же вы придумали?

– Да упразднил все!.. Стер жизнь с лица моей планеты – растительную, животную, всякую. Зачеркнул заодно и грядущее. Мне надо было подумать.

Потрясенный Кармоди только хмыкнул.

– Впрочем, я ведь ничего и никого не уничтожил, – торопливо сказал Мелихрон. – Я просто воссоединил в себе частицы себя. – Мелихрон ухмыльнулся. – У меня на планете было множество типов с безумными глазами, которые постоянно болтали насчет блаженного слияния со мной. Ну вот они и слились!

– Может быть, им это понравилось? – предположил Кармоди.

– Откуда я знаю? Единение со мной и есть я. Оно означает потерю сознания сознающим единение. В сущности это смерть, хотя звучит красивее.

– Необычайно интересно, – сказал Кармоди. – Но вы, кажется, хотели поговорить со мной насчет какой-то вашей проблемы?

– Именно! И я как раз подошел к ней. Понимаете, я перестал играть со своими народами, как ребенок с кукольным домиком, а затем уселся, фигурально говоря, чтобы все обдумать. Единственным предметом моих размышлений был, конечно, я сам. По-настоящему меня занимал только один вопрос: в чем мое предназначение? Могу ли я быть не Богом, а кем-то иным? Вот посидел я в должности Бога – никаких перспектив! Занятие для узколобого самовлюбленного эгоиста. Мне нужно что-то другое – осмысленное, лучше выражающее мое истинное «я». Я в этом убежден! Такова моя проблема и таков вопрос, который я вам задаю: что мне делать с самим собой?

– Та-ак! – протянул Кармоди. – Так-так. Вот в чем дело. – Он откашлялся и глубокомысленно почесал нос. – Тут надо как следует подумать.

– Время для меня не имеет значения, – сказал Мелихрон. – У меня в запасе вечность. А у вас, к сожалению, ее нет.

– А сколько у меня времени?

– Минут десять по вашему счету. А потом, знаете ли, может случиться нечто для вас неприятное.

– Что со мной случится? Что мне делать?

– Ну, дружба дружбой, а служба службой, – сказал Мелихрон. – Сначала вы ответите на мой вопрос, потом я на ваши.

– Но у меня только десять минут...

– Недостаток времени поможет вам сосредоточиться, – сказал Мелихрон. – К тому же это моя планета, и здесь все идет по моим законам. Будь это ваша планета, то и законы были бы вашими. Разумно, не правда ли?

– Пожалуй, – уныло согласился Кармоди.

– Девять минут, – напомнил Мелихрон.

Каково объяснять Богу, в чем его назначение, в особенности если вы атеист, подобно Кармоди? И можно ли разобраться в этом за девять минут, когда, как известно, богословам и философам не хватило многих столетий?

– Восемь минут, – сказал Мелихрон.

Кармоди открыл рот и начал говорить.

Глава 8

– Мне кажется, – начал Кармоди, – что решение вашей проблемы... э-э... возможно.

У него не было ни единой мысли. Он заговорил просто с отчаяния, надеясь, что сам процесс говорения породит мысль, поскольку у слов есть смысл, а во фразах смысла больше, чем в отдельных словах.

– Вам нужно, – продолжал Кармоди, – э... э... отыскать в себе самом предназначение, которое... могло бы иметь значение... для внешнего мира. Но, может быть, это невозможное условие, поскольку вы сами – мир и не можете стать внешним по отношению к самому себе?

– Могу, если захочу, – сказал Мелихрон веско. – Могу сотворить любую чертовщину, которая мне понравится, – ведь командую здесь я. Бог, знаете ли, совсем не обязан быть солипсистом.

– Верно, верно, верно, – поспешно сказал Кармоди. (Сколько минут у него осталось? Семь? Шесть? И что случится, когда истечет этот срок?) – Итак, мы установили, что ваших «я-имманентного» и «я-пребывающего» недостаточно для постижения себя, следовательно, они не полны, поскольку вы сами, пребывая в ипостаси Творца, сочли их неполными.

– В высшей степени логично, – согласился Мелихрон. – Вам следовало стать теологом.

– В данный момент я теолог, – сказал Кармоди. (Шесть минут? Или пять?) – Вот... Так что же вам делать?.. А вам никогда не приходило в голову, что всестороннее познание, как внутреннее, так и внешнее (если, конечно, такая вещь, как внешнее знание вообще существует), самого познания и есть ваша задача?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.